

НАША СТРАНА

Год издания—48-ой. Буэнос Айрес, суббота 9 ноября 1996

"NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 9 de noviembre de 1996 N° 2413-2414

ЕВГЕНИЙ ВАГИН

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ XX ВЕКА

С энтузиазмом, стопроцентно поддерживаю опубликованное в "НС" (14.9.96) письмо К. Н. Хохульникова из Ростова на Дону, в котором он говорит о необходимости "ускорения возвращения" на родину произведений одного из замечательных прозаиков XX столетия — Петра Николаевича Краснова.

Когда двадцать лет тому назад я, оставив "советскую Россию", оказался на Западе и получил возможность свободно знакомиться с Россией Зарубежной, помимо незабываемых личных знакомств, я сделал для себя целый ряд открытий, в области русской культуры, которая только здесь и развивалась естественным образом, несмотря на множество трудностей разного рода для ее творцов, главных действующих лиц. И одним из самых важных открытий стало — вхождение в мир героев П. Н. Краснова, первое знакомство с его замечательными романами. Россия "старая", дореволюционная — и вечная, бессмертная — живет на страницах его книг так же, как в музыке С. Рахманинова, повернутая несколько иной гранью, чем у И. С. Шмелева и И. А. Бунина, но не менее разнообразная, богатая и глубокая. Россия крестьянская, помещичья, великосветская, Россия казачья и в целом Россия героическая, военная. Россия, которую мы потеряли...

Конечно, имя генерала Краснова было достаточно известно советской публике — как "одного из главных организаторов контрреволюции в Гражданскую войну"; знали мы и о его трагической кончине — после выдачи "союзниками" — после войны. Очень глухо, с неизменной враждебностью, в специальных литературоведческих трудах упоминали о его литературном творчестве, — но имя Краснова-писателя отсут-

ствовало в Краткой Литературной Энциклопедии (даже — в "дополнительном", 9-ом томе, выпущенном в 1978 году, где были "восстановлены" многие до того замалчивавшиеся имена). Да что там советские энциклопедии! Даже в "Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года" немецкого профессора Вольфганга Казака (русское эмигрантское издание 1988 г.), где имеется множество полезных сведений о писателях-эмигрантах, о Краснове-романисте хранится полное молчание...

Между тем, в эмиграции, в 20-30 годах, Краснов был одним из самых популярных писателей, обильно переводился и на иностранные языки. "Большой и прочный успех у широких кругов зарубежных читателей" его романов отмечает достаточно объективный Глеб Струве в своем известном исследовании "Русская литература в изгнании" (1956, 1984). Это он отметил, что "находились люди, которые сравнивали роман Краснова "От Двуглавого Орла к красному знамени" с "Войной и миром" Толстого не только по заданию, но и по исполнению". Мне лично представляется, что у таких "людей" были основания, и достаточно веские, приписать красновскую эпопею к эпопее толстовской. "Многие военные сцены у Краснова живут", — снисходительно замечал в своей книге "Русская литература" Иван Тхоржевский (Париж, 1950), относившийся к Краснову-писателю без большой симпатии.

Если мы сравним с военной эпопеей П. Н. Краснова (не только названную тетралогию, но и примыкающие к ней по теме романы) совершенно неудобочитаемые военные части обширного "повествования в отмеренных сроках" нашего современного классика — и по "зада-

нию", и "по исполнению" особенно, симпатий многих читателей будут, несомненно, на стороне автора-"белогвардейца". В отличие от явной тенденциозности (даже с "обратным знаком") многих советских и пост-советских писателей, которая неизбежно ведет к искажению исторической правды, — у писателей типа П. Краснова мы имеем дело с пафосом, внутренней убежденностью, не говоря уже о глубокой и крепкой православной вере, пронизывающей все им написанное.

Идейно — П. Н. Краснов прям и неколебим, это он доказал и самой своей жизнью; эта прямолинейность в некоторых его романах не может не вызвать по отношению к автору резко отрицательных эмоций читателей, инако-мыслящих (романы "Largo", "Ненависть", "Ложь"). Этим и объясняется его упорное замалчивание нынешними "инако-мыслящими", демократами. Между тем, совершенно прав автор письма в "НС", когда он утверждает, что П. Н. Краснов "всем своим творчеством воспитывал у читателя гордость за славное русское прошлое, укрепляя веру в грядущее возрождение Великой, Единой и Неделимой России..."

Я глубоко убежден, что проза П. Н. Краснова может иметь глубокое воспитательное значение для современной русской молодежи, которая сумеет правильно понять даже и его чрезмерную "прямолинейность" — характерную для него, как человека военного, и как для православного христианина "старой школы".

"Возвращается" на родину, в современную — вот уж, поистине, "российскую" (русского в ней остается все меньше, несмотря на назойливую и примитивную декларативность подавляющего большинства

нынешних литераторов) — литературу П. Н. Краснов чрезвычайно медленно: огромное большинство читателей не знает его и сегодня, как не знало вчера и позавчера.

Тем не менее, что-то все же делается — серьезно и основательно, насколько это ныне возможно. В плане исследовательском, по крайней мере — что могло бы стать основой для последующих издательских предприятий. Так, в 1994 году вышел 3-й том Биографического словаря "Русские писатели 1800-1917", где находим обстоятельную статью о П. Н. Краснове-писателе. Правда, основное внимание уделено дореволюционному периоду его — исключительно плодотворного и многообразного — творчества; но приведена и библиографическая справка о его публикациях эмигрантского периода.

Знакомство современных читателей в России с творчеством выдающегося писателя-воина генерала П. Н. Краснова, с незаурядной личностью этого страстного русского патриота (его про-германская ориентация в годы Второй Мировой войны объяснялась глубоко личным убеждением, что лишь в союзе с национал-социалистической Германией можно победить коммунизм в мировом масштабе) — не просто "расширит их горизонт" — литературный, исторический, интеллектуальный. Такое благожелательное изначала знакомство может стать одним из этапов изживания советской нетерпимости, и одновременно — обращением к здоровым истокам и корням русского национального самосознания, ярким выразителем которого — в жизни и литературном творчестве — был Петр Николаевич Краснов.

ЕВГЕНИЙ ВАГИН

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

В ТУПИКЕ

Разумные и порядочные люди в бывшем СССР стоят перед лицом перпендикулярной дилеммы.

Если ты патриот, — то должен поддерживать большевиков. А на это способны только идиоты или мерзавцы.

Если ты антикоммунист, — то ты должен быть за расчленение России, за "права сексуальных меньшинств", за абстрактную живопись и за рок-музыку. А это для нормальных людей тяжело.

Такой партии здравого смысла, которая бы защищала единство Российской Империи, самобытность России и единение ее народов и возражала бы против колонизации нашей родины Соединенными Штатами Северной Америки, отвергая в то же время большевизм, коммунизм, марксизм и социализм, — такой нет.

Нет и газет и журналов, выражающих подобную линию. То что есть из монархической прессы, — увы, очень слабо.

Нет и политических лидеров, строящих свою программу на данных, — казалось бы, столь естественных! — принципах.

А нужно бы, чтобы они были!

Покамест слышны только редкие, однозначные голоса.

Хотя ведь, прозвучи они громко, проявись эти мысли ярко, — они наверняка нашли бы в народе живой отклик.

Что же делать: будем, по крайней мере, говорить правду за рубежом, для тех, до кого она дойдет там. Благо Железный Занавес рухнул, — если даже и остается для свободного слова много препон и рогаток...

КУКУРУЗА

Есть басня о львенке, отданном на воспитание орлу. Вернувшись домой и унаследовав престол, он стал учить зверей жить на птичий лад.

Не получилось.

Возьмем другой пример, из жизни и недавний. Хрущев пытался ввести в России, в том числе на севере, посевы кукурузы. Известно, что результаты оказались катастрофичны.

Что же говорить о мечтах превратить Россию в Соединенные Штаты Северной Америки? У этих стран абсолютно разные география, история и этнический состав населения, совершенно иной менталитет.

Почему же думать, будто строй заокеанской республики нам подойдет?

Не лучше складывается и планирование на Швейцарию. Если с Соединенными Штатами у нас есть то общее, что речь тут о двух великих державах, то со Швейцарией-то уж и подавно ни малейшего сходства нет!

Наши предки добросовестно испробовали разные методы правления. И выяснилось, что республики как Новгород и Псков, хотя и блестящие, не в состоянии тягаться с нарождавшейся Московской монархией. И, главное, — им не дано было осуществить те великие задачи, которые перед объединенной Россией в будущем стояли.

Только цари сумели создать наше грандиозное и слабое государство. И его сохранять, пока на них не ополчились темные сатанинские силы, внешние и внутренние, приведшие их дело к гибели.

Единственный путь ко спасению, — возврат на их дорогу!

Сумеет ли, захочет ли Россия?

РОДИНА И ЕЕ БОЛЕЗНЬ

В ходе предвыборной кампании, Зюганов имел наглость заявить: "Кто любит Россию, должен голосовать за меня!"

Это напоминает нам один, сам по себе печальный, эпизод:

После Второй Мировой войны, парижская эмиграция пребывала в состоянии сильного прокоммунистического угара, на почве воспаленного и непродуманного патриотизма.

Тогда-то и свершилась акция, сразу же окрещенная "Хождение из Голгофы в Каноссу": посещение видными эмигрантскими персонажами советского посольства.

В ходе беседы, — вероятно, нехотая и для гостей и для хозяев, — всплыл как-то вопрос об "экспецсах", иначе говоря, о творящихся в сталинском СССР ужасах.

Стремясь сгладить неудобство, посол Богомолов не нашел лучшего как сказать: "Мы ведь любим мать, даже если она больна".

На что эмигрантский лидер Маклаков ему вполне уместно ответил: "Да, мы любим мать, но не ее болезнь!"

Товарищ Зюганов воплощает в себе именно болезнь России, от которой она тяжело и долго страдала; от которой едва теперь оправляется, — и в которую не дай Бог, чтобы она вновь впадала, сегодня, завтра или в дальнейшем будущем!

Результаты выборов подаются как раз надежду, что этого и не случится.

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕВА

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" № 198-199

Журнал все больше превращается в какой-то архивный вестник, заполняя свои страницы воспоминаниями и документами. Которые бывают разного рода и различной ценности. Беллетристическая часть играет в нем все меньшую роль.

Очередной фрагмент из мемуаров А. Бахраха, "По памяти, по записям" представляет собою подлинную кунсткамеру уродцев. Он начинается воспеванием А. Штейгера, — поэта по любому счету третьестепенного, — творения коего, в стихах и особенно в прозе (эти последние несколько лет назад воспроизводились с сочувствием в "Русской Мысли") характеризуются откровенно выраженными гомосексуальными устремлениями. Не диво, что он является одним из любимых учеников Г. Адамовича, тоже, как всем известно, не чуждого страстям содомским. Как и цитируемый тут советский поэт Р. Ивнев.

Дальше в лес, больше дров. Бахрах призывает нас "низко склониться над безвестной могилой "товарища-князя" Святополка-Мирского". Нам что-то не хочется. Этот ренегат белой эмиграции "бывший гвардейский офицер, аристократ по происхождению" не только примкнул к компартии и репатрировался в СССР (во сталинские времена!), но там, стремясь угодить новым хозяевам, дошел до того, что шельмовал Пушкина за "лакейство перед самодержавием" (!). Его постигла скорая и справедливая Немезида: большевики отправили его умирать на концлагерных нарах...

Не станем удивляться, что автор заканчивает свой опус рассказом, с гордостью, о встречах с Андре Жидом. Когорта извращенцев, фигурирующая перед нами не ограничивается как видим, русской эмиграцией. В которой она ведь, однако, на деле весьма мало адептов этого вида ненормальностей насчитывала.

Кроме них, упоминает Бахрах о встречах с Замятиным, с Пильняком, с Маяковским; не сообщая, впрочем, о них чего-либо важного.

Вот совсем неправду говорит он о "Современных Записках": "журнал ни в какой мере не был партийным"! Довольно вспомнить случай с прекрасным (увы, оставшемся незаконченным!) романом И. Шмелева "Солдаты", публикация которого была прервана на половине за благожелательные отзывы о царской армии! Или перечитать горькие жалобы в письмах Марины Цветаевой, о том как ее уродовала редакция данного органа печати.

Воспоминания журналистки А. Даманской о литературном Петербурге 1917-1920-х годов и о первых годах эмиграции в Германии, "На экране моей памяти", написаны живо и интересно, — хоть у нее явно

вывихнуты налево взгляды.

"Письма Г.В. Адамовича И. В. Чиннову" читаешь с дрожью отвращения. Но, пожалуй, и хорошо, что они напечатаны! Они ярко раскрывают отвратительный облик их отправителя. В первом же из них он с презрением и со злобой отзывается о Достоевском (он де его "все меньше и меньше **гутирует**"), о Гумилеве ("его очередная блажь" — это за похвалу поэту Комаровскому), а дальше и о "несчастном" (sic!) Пушкине ("его Наполеон очень плох") и Есенине который, оказывается, был "вял и слаб".

Кто же вершит сей страшный суд над великой русской литературой? Бездарный поэт, желчный и капризный критик, наделенный неисправимо скверным вкусом, и притом человек весьма мало образованный (вспомним, как при встрече с ним ужаснулся его невежеству Бальмонт, сам-то стоявший на весьма высоком культурном уровне).

Письма Бальмонта к эстонскому поэту Ранниту, помещенные в том же номере, производят, напротив, приятное впечатление, и по содержанию и по тону.

"Воспоминания" графа А. Комаровского (племянника упомянутого выше поэта) о концлагере, где он сидел, и о мытарствах после выхода оттуда, не содержат никаких ужасов, но рисуют, дельно и правдиво столь многими пережитую трагедию "страшных лет России".

И. Грэм с восхищением воссоздает образ музыканта А. Лурье, что-то не вызывающий тем не менее у нас симпатии: с энтузиазмом встретил революцию... остался в СССР... Согласимся с отзывом о нем Милюкова: "сперва попал в комиссары от музыки — и в этом звании диктаторствовал, а потом оказался в Париже". Да и со мнением Ходасевича: "Я Лурье никогда не прощу его участия в Октябрьской революции".

Очень недурна, почти увлекательна, заметка библиографа П. Шибанова "Севастопольский эпизод", о том как он разбирал там состав Морской библиотеки. То же можно сказать и об очерке А. Нилина "Переделкино. Зимняя дача".

М. Поповский рассказывает о том, что он, еврей и атеист, решил обратиться в христианство, но предпочел перейти не в православие, а в евангелизм. Каждому свое! Но трудно не удивляться: это как вместо дворца выбрать себе для обитания серый, холодный сарай, или вместо творений классиков читать брошюры для малограмотных.

Известный уже нам и мало симпатичный "американец российского происхождения" М. Раев начинает свою статью "Реформы в истории России" неверно цитируя А. К. Толстого. У того есть всем знакомая

"История от Гостомысла до Тимашева"; а никакой "Истории от Гостомысла до Чернышева" (?) нет. Кроме того, начинается эта "История" так:

**Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.**

А не:

**Послушайте, ребята
что Вам расскажет дед.**

Во времена А. К. Толстого было принято стихотворные строки начинать с большой буквы. Следовало бы этот принцип уважать. А не навязывать поэту прошлого века приемов поэтов нынешних!

"Ересь нашего времени" В. Яновского поражает архигрязной порнографией (необычной для "Нового Журнала"), особенно мерзкой, ибо относится к детям, да еще к ней и приплетается религия.

Другие рассказы тут бессюжетны и бледны, скорее — импрессионистские наброски. А. Антонович, судя по примечанию, несколько лет писал свои "Снега в новом году", вся суть которых в том, что одинокий мужчина со скукой встречает праздник в обществе своей собаки.

Мало чем лучше и "Госпожа" Э. Дрейцера: пожилая эмигрантка из США приезжает в нынешнюю Россию, поражается грубости нравов и умирает от разрыва сердца (не слишком ли уж бурная реакция?).

"3 осенних эскиза" Н. Сарафанникова посвящены: 2 первые — старухам, а третий (наиболее удачный) маленькой девочке. Опять же, это бессодержательные зарисовки отдельных моментов жизни.

В рассказе И. Муравьевой "Филимон и Бавкида" к заглавию сделана редакционная сноска: "Филимон и Бавкида — герои одноименной повести Овидия — муж и жена, дожившие до глубокой старости в идиллической любви и согласии". Прежние читатели "Нового Журнала" в подобных разъяснениях не нуждались; на какую публику он рассчитан теперь?

Рассказ — противный. Филимон сделан (чтобы мы не вздумали ему сочувствовать?) бывшим чекистом, притом эгоистом и трусом. Все равно, глумление сочинительницы над дряхлостью и неразлучными с нею болезнями и немощами оставляет тягостное ощущение. Они ведь всем людям присущи, как дурным, так и хорошим. Тем уж более неприятны намешки над любовью стариков ко внучке: в таком чувстве, хотя бы и у самых скверных личностей, нет ничего предосудительного.

Есть в номере и стихи; но о них говорить не стоит.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Д. ИНОЗЕМОВ

ПИРАТСКИЕ ГАВАНИ

От века швейцарские банки хранили тайну вкладов, считая, что деньги не пахнут — и принимали их от кого угодно. Но сколько бы веревочка не вилась...

По сообщению еженедельного журнала "Итоги", швейцарцев наконец-таки заела совесть: мир мол изменился, и им, швейцарцам, тоже меняться надо. Теперь, вопреки закону 1934 года, грозившего тюремным заключением банкирам, открывшим имя владельца, швейцарские банки будут руководиться международными правилами: соотечественники Вильгельма Телля уже не могут позволить, чтобы по поводу их счетов ходили неприятные слухи.

"Многие наши граждане спрашивают себя — неужели мы на самом деле стали пиратской гаванью?", пишет Марк Пьет, профессор права

из Базеля. Такая наивность не может не вызвать восторг!..

А президент Швейцарской Ассоциации Банков, Георг Крейер заверяет, не без сожаления: "В дальнейшем мы стараемся устраниться от щекотливых услуг такого рода". Еще бы не сожалеть! Из одной только Голландии во время войны нацисты вывезли 160 миллионов долларов золотом и, в частности, 39 тонн (!) золота, являвшегося личной собственностью голландских граждан, в основном 140 тысяч евреев (100 тысяч из них погибнет в концлагерях). Значительная часть этих 160 миллионов была перевезена в Швейцарию.

Прибегнем к несложной арифметической операции: только 39 тонн золота, деленные на 40 тысяч оставшихся в живых — включая младенцев — дают почти килограмм золота на человека, и не получить их

очень уж обидно.

"Начинается последняя глава в истории Второй Мировой войны", — заявил председатель Всемирного Еврейского Конгресса Эдгар Бронфман журналу "Ньюсуик".

Ну, а теперь вопрос на засыпку: США охотно впускают на постоянное жительство российских миллионеров, которые строят там целые дворцы. Это ли не "пиратская гавань"? Или правительство США серьезно предполагает, что свои миллионы эти люди заработали честным трудом?

Когда же выяснится происхождение этих миллионов, из России вывозимых, — будут ли США вести расследование?

А заговорит ли когда-нибудь швейцарская совесть (как и совесть других стран) в отношении вкладов из России — как компартии, и лично ее бонз, так и мафии, как советского, так и пост-перестроечного времени?

Д. ИНОЗЕМОВ

Среди книг

ЧТИВО

Подсоветская читающая публика определенно изголодалась по историческим романам, особенно из иностранной жизни. Жаль однако, что ее кормят вовсе недоброкачественным товаром; как, впрочем, и в иных областях; например, в сфере детективного жанра.

Образчик подобной продукции, оставляющий довольно странное впечатление, есть изданный то ли в Москве, то ли в Туле, в 1993 году, роман "Шестая жена Генриха VIII".

Об авторе мы узнаем только, что его зовут (или, скорее, звали) Ф. Мюльбах. Фридрих? Фердинанд? Франц? Неизвестно.

Ожидаешь указание „перевод с немецкого“ (и имя переводчика). Но его нет. А если бы (что решительно маловероятно) речь шла о русском произведении, — почему бы не дать кратких сведений о писателе?

Их нет.

Предисловие составлено в чисто советском духе. Правда, есть и послесловие, подписанное Е. Черняком, и несколько более дельное (хотя и с ссылками на Маркса...).

Роман — явно третьесортный. Персонажи то и дело произносят длинные риторические напыщенные монологи, звучащие крайне неправдоподобно. Хуже того: собеседники друг другу рассказывают вещи, которые той и другой стороне несомненно известны, — но о которых автор желает осведомить читателя.

Крайне неудачен и выбор положительных героев. К их числу принадлежит архиепископ Кранмер („благородный Кранмер“, „великодушный Кранмер“ именуется его Мюльбах, многократно повторяя данные эпитеты).

На деле, этот Кранмер был одним из самых бесчестных и бессовестных людей своего свирепого времени. Выполняя капризы своего хозяина, венчанного злодея Генриха VIII он раз за разом предавал в жертву всех, кого тому было угодно: Екатерину Арагонскую, Анну Болейн, Екатерину Говард, и даже своего благодетеля Томаса Кромвеля. Он и сам кончил на костре; но нельзя не признать, что за дело!

Не слишком симпатична и главная героиня, Екатерина Парр, несомненно лицемерка, вышедшая замуж за уродливого и отталкивающего в ту пору короля, прославленного своей жестокостью, — даже в рассказе благосклонного ей сочинителя, — ловко его обманывавшая.

Мюльбах, очевидно, был ревностным лютеранином, что мотивирует его симпатии и антипатии к действующим лицам. Но изданная по-русски книга предназначена ведь не для лютеран, а для православных или вообще неверующих. Что в значительной степени лишает смысла ее издание.

Отметим некоторые странности языка: Томас Мор почему-то именуется **Морусом**, кардинал Поль — **Полусом**. Удивляет сочетание **густой вуаль**, вместо „густая вуаль“.

Главное, что приходит на ум при чтении, это следующее. В Англии за последние десятилетия опубликованы целые серии первоклассных романов из эпохи Тюдоров, пера Норы Лофтс, Маргарет Ирвинг, Марджори Боуэн (не говоря о других). Почему бы не перевести то или другое из их произведений, вместо публикации весьма посредственного, видимо старого романа Мюльбаха?

Савва Юрченко

ПОДПОЛКОВНИК МИХАИЛ СМЫСЛОВ (Москва)

НЕ ХОРОНИТЕ НАС ЗАЖИВО

Царю Милосердный! Создателю мой!
Молю я о ныне погибших!
В селениях горных Твоих упокой,
На брани живот положивших.

Царю Милосердный! Зря благость
Твою,
К Тебе я с мольбой обратился!
Так Ангел Печальный, о павших в
бою,
На поле кровавом молился...
(Автор неизвестен)

КОНТРАКТ НА СМЕРТЬ

В Чечне на сей раз я пробыл только 5 дней. Из них не в мощной нашей ханкалинской группировке, а в отрезанном от своих гарнизоне в центре Грозного, всего сутки. Можно ли было за это время понять все — и о русских и о чеченцах, об "отморозках" и авторитетах, о "козлах-провокациях", ведущих "стада" на убой и заведующих бойнями? Судить тебе, дорогой читатель. Мне же думается, удалось понять не только это, но и главное — кто он, Старший Папа, умело, день за днем, год за годом, развертывающий ту пропасть, куда вот-вот уже посыпятся и Россия, и Чечня и весь крещеный и некрещеный мир в придачу. Я обещал вам, дорогие мои офицеры и солдаты 205-й бригады, заживо погребенные и оболганные по всем "центровым" печатным и эфирным каналам, вам, с которыми я провел всего одну, тихую по вашим меркам ночь на передовой, рассказать правду. Свое обещание выполняю. Начнем, перекрестясь.

Итак, в Ханкале, вертушкой из Моздока, я был 15-го, в Грозный начал пробиваться 17-го. Сначала со старшиной Димой из 205-й бригады до блок-поста на мосту, потом в том же пыльном мешке — кузове "ГАЗ-66", но уже в составе попутной колонны до позиций 166-й бригады.

В бригаде, пролистав последний, остававшийся у меня экземпляр журнала "Вера и Мужество", офицеры несколько оттаяли и один из них — комбат Толя, произнес:

— Могу взять на броню до стади-

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы публикуем отрывки из пространного очерка о Чечне, который полностью будет помещен в 1-ом номере нового журнала подполковника Михаила Дмитриевича Смыслова "Отечество и Вера". Предварительную подписку на этот журнал можно оформить по адресу: 127349 Москва, Алтуфьевское шоссе д. 82 кв. 353.

она Динамо. Оттуда до правительственного городка шагов двести.

Через полчаса комбат, обхватив голову руками, чуть не рвал на себе волосы. В бессильной ярости бил кулаком о башню синеглазый паренек с "чеченской" повязкой на лбу. Двое со снайперкой и пулеметом распластались слева от БМП. Я сидел держась за оружейный ствол и не шевельясь. Из большей частью непечатных фраз, было уже понятно, что случилось: едва наша колонна из трех, облепленных "бэх", вышла на простреливаемый участок, чеченский снайпер снял со следовавшей позади бронемашины солдата-контрактника. Тот был еще жив, когда третья БМП, с закрытым по-боевому водителем люком, наскочила на парня всей многотонной массой.

Уверен, подожди я в тот момент к месту трагедии с фотоаппаратом, меня бы запросто пристрелили, настолько бурно кипела вокруг ненависть. Выплеснуться же ей было некуда: затеявшие эту бойню сидели где-то высоко-высоко, а снайпер, нажав спуск под грохот брони, оставался невидимым.

Секунд через 20 старший колонны взял себя в руки. Погибшего погрузили в десантный отсек, машины отошли на исходную, сдали "груз-200", потом развернулись и вновь понеслись вперед, уже поодиночке. Простреливаемый участок и саму окраину стадиона на этот раз прошли без потерь.

В задачу комбата входило доставить пехоту на укрепление обороны правительственного городка. Того самого, откуда еще неделю назад слепой телеэфир доносил чуть подрагивающие голоса репортеров: "Мы еще живы. Но огонь усиливается..." Действительно, городку, судя по многочисленным побитым окнам, досталось изрядно.

Переждав небольшой обстрел из пулемета, а затем из подствольника, уже в сумерках мы перебежали через контролируемый снайпером участок. Пехотинцы, как и во время сидения на броне, старались прикрыть мою пропыленную рубашку своими бронжилетами. Уже в темноте проскользнули мимо какой-то внешне пустынной четырехэтажки, потом еще одной. Опять пригнулись. И наконец вышли к пятиэтажному, как оказалось недавно возведенному, но так и не успевшему войти в строй родильному дому. Здесь наши пути разминулись. Ребята из 166-й остались на третьем этаже, а меня пригласили к себе

старожилы, предложив переночевать этажом выше. Так я очутился на боевых позициях 205-й бригады.

Дорогие мужички! Вы уж постарайтесь, пожалуйста, выжить, ладно?

Ночь, куцые вспышки зажигалок, длинный, во все здание, темный коридор. Вдоль стен, на полу, выдавшие выды "спальники". На них мы с вами. Нет, я пока в единственном кресле. Пока, потому что вам так хочется поговорить с невестой откуда свалившимся в привычно для вас бухающую, грохочущую и строчащую ночь москвичом, да еще и представителем прессы, которая и в мирной-то жизни не балует пехоту своими насками. Ей, этой самой прессы, спецназ, какой покруче, подавай, ну десантуру там в крайнем случае. Но ведь элитные войска потому и элитные, что служат в них особо тренированные крепкие парни, которых и было то в зачумленной алкогелем России не густо, а после недавней грозненской бойни осталось еще меньше. Вас, простой контрактной пехоты пока еще много. Не так, чтобы очень, конечно, но хватает. Пока. А потому Господь свел меня именно с вами, закрепившись в этой пятиэтажке, напротив занятого чеченцами драматического театра.

В ночь с 6-го на 7-ое августа мы пробивались еще дальше — к самому дому правительства. Прорывались, почти не представляя, где он, этот дом. "Бэшки", облепленные вашими драгоценными душами в бронжилетиках, летели на разрывах, как на штормовых волнах. На перекрестках, где огонь был особо яростным, некоторые из вас закрывали глаза. А когда открывали — видели все то же огненное крошево. Стреляли по вам, стреляли вы. Один из снарядов угодил в контрактника Сергея и если бы не Сергей, рыжику — одному из немногих срочников, рыжеволосому голубоглазому паренюку, снесло бы голову. А так лишь стегануло по бронжилету перемешанными с Сергеем осколками. Очередным разрывом выбросило наводчика, а механику-водителю добитой-таки позднее, у дома правительства, БМП, осколок угодил в шлемофон и едва не прошел каску.

— Есть морская пехота, есть крылатая пехота, а есть долбанутая пехота, — шутили вы, не понимая еще сущность тех потаенных пружин, что выбросили вас, отрубивших в свое время срочную и начавших было зарабатывать свой хлеб чест-

ным, мирным трудом, на эту жестокую бойню...

Ночь бухает, почти не смолкая.

— Мужики, у меня тут с Ханкалы пакет молока и сухой паек (последний мне подарил офицер-тыловик из 166-й). Берите, пожалуйста.

— Не, не надо, — доносится из темноты. — Сухпай вам самому пригодится, неизвестно куда еще попадете. И молоко лучше сами пейте. У нас теперь вода в баке есть.

Сухой паек лишь через два дня мне удалось всучить старшине Диме.

— Командир, — раздался где-то поблизости слегка взволнованный шепот. — В трехэтажке что-то странное происходит. Свечка там вспыхивает, а окно на чердаке закрыто. Всегда открыто было, а теперь закрыто. Связь с батареей есть? Может долбануть, пока "духи" не выползли?

И еще голос:

— Командир, к нам вроде бутылку закинули. Может газ пустили?

Притихли ребята. Ротный секунд 5 медлит, потом бросает кому-то:

— Проверь, что там за бутылка.

Через минуту из темноты доклад:

— Это не бутылка, пуля плафон разбила.

Так уже легче. Да и кто там на четвертый этаж что закинет. А как быть с трехэтажкой?

— Не нравится мне эта трехэтажка по жизни, не нравится! — в сердцах ругит кажется кто-то из взводных.

Командир роты опять молчит. Потом решает:

— Разбивать ее не надо — крепкое еще здание. Да и газовых баллонов там полно. По нам же и рванут. А вот зеленочку рядом с ней прочешем.

Шипит рация, и через пару минут где-то вблизи ухают разрывы...

Уже в Москве, ко мне заглянул с осколками в ногу Олег из 166-й и рассказал, как взрывной волной в ту ночь у него выбило из рук только что вскрытую банку тушенки. Оказалось, они, не предупредив соседей, снялись с отведенного им этажа нашего здания и выдвинулись вперед — в приткнувшуюся возле дома правительства ту самую трехэтажку...

Часам к трем ребята, свободные от вахты у лестницы и окон, уснули. Мне же так и не удалось сомкнуть глаз. (Мне выделили не только подстилку, но и байковое одеяло). Просто бабахало чуть не над ухом так,

Грозный, три БМП перед броском в центр с базы 166-й бригады. Через 5 минут снайпер собьет со второй "бехи" солдата-контрактника.

Грозный, центр. 18 августа 1996 года. В штатском — автор, подполковник Михаил Дмитриевич Смыслов, редактор "Отечества и Веры".

ПЕЧАТЬ

ДВЕ РОССИИ

В своей постоянной рубрике "Глазами историка", М. Геллер в "Русской Мысли" от 12 сентября с.г., наряду с обычными у него глупостями, высказывает одну совершенно верную идею:

"Советский Союз" мог — во всяком случае, очень хотел — завоевать мир. Россия дореволюционная таких планов не имела".

ЮБИЛЕЙНЫЕ ВОСТОРГИ

С. Милорадович, Н. Струве и И. Иловайская дружным хором воспевают бывшую редакторшу "Русской Мысли" З. Шаховскую в связи с ее 90-летием. Наши читатели в бывшем СССР имеют представление об этой grande dame (как ее именует Милорадович) по работам В. Солоухина и В. Максимова. В эмиграции же ее деятельность тем более широко известна.

НЕЧИТАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА

В "Общей газете" от 8 августа с. г., в статье "Симптомы возродления" (?), с подзаголовком "Летний сезон журнальной прозы", В. Новиков констатирует: "Серость и скука очень поощряли в последние годы редакции толстых журналов, добившиеся всего за одну пятилетку почти полной нечитаемости своей продукции".

Невесело!

ЮКАГИРА И БОЛЬШЕВИЗМ

В связи с серией самоубийств в среде молодежи в юкагирском селении Нелемное, В. Огрызко, в статье "Кто вы, юкагиры?", в том же номере "Литературной России", окидывает взором судьбу этого племени: "Когда-то юкагиры были самым многочисленным народом на севере Азии. Но сегодня их осталось всего 1112 человек... Один из старожил, Алексей Николаевич Дьячков, считает, что трагедия юкагиров началась в годы репрессий: "Раньше на Колыме, куда ни ткнишь, везде леса были. Заключенные у нас весь лес повыврубили. В конце 30-х — начале 50-х годов пароходы по Колыме топили не углем, а исключительно дровами... Лучшие охотничьи угодья были погублены".

Словом, печальным для них оказались последствия большевизма.

Как, впрочем, и для всех народов России (в смысле — Российской Империи).

Урок для тех, кто жаждет большевицкий строй вернуть!

ИГРУШКИ АДСКИХ СИЛ

Там же помещена рецензия Н. Коняева на книгу священника Родиона (почему же без фамилии?) "Люди и демоны", которой мы не читали. Выпишем из этой рецензии пару отрывков:

"Сотни изломанных судеб, страшных болезней, неожиданных смертей, произошедших в результате занятий оккультизмом, прошли перед глазами священника — автора этой книги".

"Разумеется, далеко не все, подавленные модным увлечением, осознают, что, занимаясь оккультизмом, экстрасенсорикой, они открывают себя для враж-

дебных человеку сил, превращают самого себя во вместилище падших духов".

ВЕЛИКАЯ ТЕНЬ

Отметим с полным одобрением, все в том же номере, краткую статью В. Кардашева и С. Семанова об императоре Николае Первом, подчеркивающую положительные стороны его правления.

Но как странна и извилиста линия "Литературной России"! Или редакция думает, что царь Николай Павлович с сочувствием отнесся бы к большевизму, рупором и пропагандистом коего стала "еженедельная газета писателей России"?

Полагаем, будь он российским императором в страшные годы бунта, он сумел бы столь же эффективно расправиться с коммунистами, как он сделал с их духовными предками, декабристами.

КРОВАВЫЕ ДОХОДЫ

В статье С. Рыбаса "Мы и конкуренты на мировом рынке", в том же номере, читаем:

"Поскольку продажа оружия за границу приносила в прошлом России доход в твердой валюте, Москва надеется на это и в будущем. До настоящего времени России удалось добиться заключения существенных контрактов на поставку вооружения с Ираном, Китаем, а также с такими традиционными покупателями оружия на Западе как Объединенные Арабские Эмираты и Малайзия".

Торговля, может быть, и выгодная; но, с моральной точки зрения, она определенно плохо пахнет!

КАК ОНИ НАС НАЗЫВАЮТ

В передовице В. Прибыловского, в "Русской Мысли" от 19 сентября, "Предвыборная кампания началась", читаем:

"В ходе избирательной кампании весны-лета 1996 г. перед председателем ЦК КПРФ Геннадием Зюгановым стояло три противоречивых задачи: 1) удержать за собой традиционный коммунистический электорат... 2) убедить избирателей, равнодушных или враждебных к левой утопии, но страдающих державно-националистическими комплексами, в том, что он, Зюганов — прежде всего радетель за империю и нацию..."

Вот, значит, кто мы такие, желающие сохранения Российской Империи! Мы суть люди, пораженные несколько постыдными психическими комплексами, вызывающими понятное и законное отвращение у редакции "La Pensée Russe" и ее окружения.

Что же, примем их заушение с гордостью. Вот их, расчленительские комплексы мы расцениваем как акт национальной измены, и оставляем на их совести, тщательно от оных отмежевываясь.

Далее Прибыловский справедливо констатирует: "Полностью удалась только первая задача. Национал- и имперски-"патриотический" электорат по-новому поделится между Ельциным, Лебедем и Жириновским, а Зюганову досталось разве что некоторое количество вождей в персональном качестве: Руцкой, Бабуриной, Проханов, писатель Валентин Распутин, Игорь Шафаревич".

С грустью видим два последних имени в таком контексте! Как

дошли они до жизни такой? Хотелось бы надеяться, что осознают свою ошибку и одумаются, тем более теперь, когда, выражаясь словами того же Прибыловского, наступил "закат" председателя Зю".

Что в числе приверженцев одного Зю "есть даже один монархист — скульптор Вячеслав Клыков", нас меньше удивляет, и меньше огорчает. Поскольку он по слухам поддерживает кандидатуру на российский престол...внучки маршала Жукова! От подобных монархистов, полагаем, толку мало.

НА КРОВАВЫХ МОГИЛАХ

Из того же номера выпишем заметку, помещенную в разделе "Коротко":

"Монголия. 10 сентября впервые отмечался День Траура по жертвам коммунистических чисток. В 1937-1939 гг. по политическим причинам было арестовано около 36 тысяч человек, из них более 20 тысяч расстреляно. В ходе массовых гонений на религию было уничтожено около 70 тысяч буддийских монахов и разрушено 700 монастырей."

НА СЛУЖБЕ У ПАЛАЧЕЙ

В "Нашем Современнике" номер 4 от с.г. мы находим, под пером В. Валентинова, культивирующего жанр стихотворений в прозе а la Tourgueniev, нижеследующее высказывание, вложенное, правда, в уста скорее отрицательного персонажа, некой Анны Ивановны:

"Не наш ли русский народ, самый религиозный, и не его ли доверчивость и терпение (Бог терпел и нам велел!) помогли забеглым бесам в кожаных куртках и золоченых пенсне поломать устой русского государства и засыпать костями наших верных христиан весь проклятый Север? Не русский ли народ, самый религиозный и терпеливый труженик столько лет позволял обирать себя до нитки во имя интернационального братства, чтобы услышать сегодня о себе от этого братства самые мерзкие обвинения в природной лени, рабском послушании и прочих недостатках?"

Оставим в стороне упрек Анны Ивановны русскому народу; но суть большевизма схвачена ею прекрасно, удивительно верно!

Остается вопрос как же это печатает журнал, который желает, требует и всеми силами добивается возвращения ко власти в России все тех же мерзавцев в кожаных куртках?

В другом эскизе, озаглавленном "Неповторимый цветок", тот же автор выражает свое преклонение перед Есениным, которое полностью разделяем.

Но опять же вопрос. Ведь Есенина так или иначе убили именно большевики. Мы считали, что довели его до самоубийства; национал-большевики утверждают, что его просто физически уничтожили. Зачем же однако вновь передавать его убийцам бразды правления?

МЕЧТЫ О ТИРАНИИ

В том же номере, коммунист Зюганов, выступая на "Третьем всемирном русском народном собрании в Москве" (что за странный собор! не сомнище ли нечестивых?) изрекает:

"У каждого народа есть высшие ценности, — ими являются культура, язык, вера и безопасность, будь то личная, семейная

или общественная".

Не совершили ли товарищи товарища Зюганова по партии тяжелого преступления против всех этих перечисленных им "ценностей"?

Культура России, достигшая при царской власти высокого, признанного всем миром уровня, не пала ли до постыдного славословия Сталину и его вовсе уж ничтожным наследникам под продажными перьями советских борзописцев, под кистью художников и резцом ваятелей, исполнивших пресловутый "социальный заказ"?

Что они сделали с языком и говорить не хочется. Он так изуродован, что сейчас трудно найти пути к его исцелению. Его превратили в язык лжи, язык свирепого изуверства и шаблонной, фальшивой фразеологии.

Вера... вот сошлемся на процитированные выше слова Анны Ивановны о костях подвижников православия на дальнем севере; костях еще довольно-таки свежих.

А уж с безопасностью и вовсе весело при советской власти обстояло! Каждая семья ожидала ночью стук в дверь... и искренне радовалась если это было из-за пожара в доме, а не визит "черного ворона". Так с личной безопасностью. Семейная состояла в необходимости от арестованных отречься. Ну "общественная" — понятие зыбкое. Но кто не согласится, что такое общество было больным, глубоко ненормальным?

Зюганов хочет все это вернуть. Скажем ему, как говорили французы по поводу германской оккупации: "Jamais plus cela!"

Советская оккупация России, долгая и ужасная, была похуже любой иноземной.

НУЖНА ЛИ БУКВА ЯТЬ?

Статья Саша (sic!) Бородина "Заметки маразматика" в "Новом Русском Слове" от 17 июля с. г. составлена в несколько хулиганском тоне, но с ее основными выводами мы целиком согласны.

Было бы немислимо произвести в России то, что он именует "орфографической эксгумацией", то есть возврат к дореволюционному правописанию.

Во первых, оно куда сложнее и труднее нынешнего, и по этому одному уже восстановление его было бы нерациональным и вызвало бы наверняка живое противодействие в народе. А во вторых, реакция против новой, нынешней орфографии, построенная на том, что она де "большевицкая", вполне и обоснованна. Это был один из случаев, когда советская власть осуществила намеченное и подготовленное в царскую эпоху мероприятие.

Положим, прежняя орфография имела преимущества для филологов и историков языка. Но они как раз обойдутся; а навязывать ее массам было бы уж совсем неразумно.

Иное дело, что очень даже стоило бы ввести в курс школ знакомство, хотя бы самое элементарное, с церковно-славянским языком. Но вместо этого слышим истерические требования этот последний язык изгнать даже из богослужения!

Поистине, всем не угодишь...

В. Р.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

"ИЗУЧЕНИЕ" ЗАВЕРШЕНО

Нам пишут из Москвы:

Православный информационный бюллетень "Вертоград-Информ", сообщил, что "Комиссия по Канонизации Святых" Московской Патриархии завершила изучение вопроса о прославлении Царя-Мученика Николая Второго и его Семьи, и представила на рассмотрение Священного Синода соответствующий доклад. Детальное рассмотрение вопроса о канонизации Царской Семьи было поручено названной комиссии Архиерейским Собором Московской Патриархии в 1991 году. "В течение пяти лет мы тщательно изучали этот вопрос и наконец завершили эту тему", сказал председатель комиссии митрополит Коломенский и Крутицкий Ювеналий.

По словам митрополита, на комиссию пытались оказывать давление различные "околоцерковные группы", занимавшиеся сбором подписей за или против канонизации Царской Семьи.

Митрополит, однако, так и не дал ответа на вопрос, будет ли Московская Патриархия канонизировать прославленных Зарубежной Церковью в 1981 году Царственных Мучеников.

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ

Нам пишут из Москвы:

Выходящий здесь православный информационный бюллетень "Вертоград Информ" отметил, что в дни работы Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви, на 98-м году жизни, скончался проживавший на покое в Калифорнии архиепископ Серафим, бывший Каракасский и Венесуэльский.

Ориентирующийся на Зарубежный Синод бюллетень написал, что "Владыка Серафим известен многим православным христианам в России своими проповедями и духовно-назидательными статьями, публиковавшимися в "Православной Руси". До последнего дня своей земной жизни архиепископ Серафим пребывал в здравом рассудке, излучая доброту и любовь, тепло которых ощущали все, кому доводилось общаться с ним. За четыре дня до своей блаженной кончины Владыка Серафим последний раз участвовал в работе Архиерейского Собора"

АРХИВ Н. СОКОЛОВА

Нам пишут из Нью Йорка:

Как сообщила газета "Нью Йорк Таймс", министр Иностранных Дел РФ Евгений Примаков заявил в Вадуде, что Кремль скоро вернет захваченный Красной Армией архив княжеского дома Лихтенштейна, в обмен на архив следователя Н. Соколова.

Примаков и князь Ганс Адам Второй обменялись письмами, в которых оба соглашаются на обмен. Советские войска захватили

архив, хранившийся на юге от Вены, когда они вступили в Австрию в конце Второй Мировой войны, и отправили его в Москву, где он находился до сих пор, несмотря на многолетние требования властей Лихтенштейна его вернуть.

По мнению "Нью Йорк Таймса", князь Ганс Адам добился своего, когда купил на аукционе в Лондоне архив Н. Соколова, исследовавшего убийство Царской Семьи большевиками.

Лихтенштейн установил дипломатические отношения с Москвой всего лишь в 1994 году.

ЗАПИСЬ ЦАРЕУБИЙСТВА

Нам пишут из Петербурга:

Отдел Загса Центрального района Санкт Петербурга зарегистрировал восстановленные записи и акты о смерти членов Российского Императорского Дома в Екатеринбурге 17 июля 1918 года. Как сообщила директор Департамента Загс бывшей столицы, Галина Богданова, "на основании первичных врачебных свидетельств, выданных по уголовному делу, оформлено пять гербовых свидетельств о смерти".

После проверки в Питере и Екатеринбурге выяснилось, что смерти членов Дома Романовых не зарегистрированы до сих пор. Это значит, что с юридической точки зрения даже сам факт гибели Царской Семьи не был признан советским государством.

ЗА РОССИЮ НА УКРАИНЕ

Нам пишут из Чернигова:

Здесь создан Русский Культурный Центр имени Ф. М. Достоевского, целью которого является отстаивание и распространение на Украине ценностей русской культуры, философского и богословского наследия Святой Руси, открытие в будущем в городе независимых русской школы и библиотеки, проведение семинаров.

В состав организаторов Центра вошли редакция русского православного журнала "Вера и Жизнь", Православное Певческое Общество, руководимое регентом А. Пар-

хоменко, а также представители различных русских общественных и культурных организаций Чернигова.

На открытии Центра прозвучали актуальные доклады о притеснении прав русского населения на Украине и гонениях на православие. В ближайшем будущем планируется провести вечер памяти Императора-Мученика Николая Второго.

Центр обращается к русской политической эмиграции с просьбой присылать ему литературу и видеокассеты по истории Русской Церкви, России и, в частности, Белого Движения.

Адрес Центра: Украина 250033, г. Чернигов, а/я 1778.

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР

Нам пишут из Нью Йорка:

Участники состоявшегося здесь, в Синодальном Доме, Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей обратились с посланием к русским людям, в котором написали, что Россия "стоит у страшной черты выбора между жизнью и смертью", ибо в ней "процветает злонамеренное подавление всего русского: культуры, национального самосознания, патриотизма. Наблюдается планомерное физическое истребление и духовное растрепание русского народа. Происходит небывалое гонение русских людей на окраинах бывшей Российской Империи".

По мнению участников Собора, "во всем этом со всей очевидностью можно проследить пагубное последствие разрушения в России Православной Церкви и замены Ее церковным аппаратом, подчиненным безбожной власти и безоружным в духовной брани за человеческие души". Однако "еще более пагубных последствий для Русской Церкви и русского народа следует ожидать от предательского подчинения идеологии нового единства, нового мирового порядка и его церковной разновидности — экуменизму".

В повестку дня Собора вошел широкий перечень вопросов, затрагивающих самые насущные

стороны бытия Церкви на родине и в рассеянии. В работе Собора приняли участие три архиерея из России: епископы Черноморский и Кубанский Вениамин, Ишимский и Сибирский Евтихий и Симферопольский и Крымский Агафангел. Председательствовал на всех заседаниях Собора первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, митрополит Виталий.

КРАСНЫЙ КОЗИЦЫН

Нам пишут из Ростова на Дону:

Возглавляемое Н. Козициным правление Всевеликого Войска Донского решило поддержать на выборах губернатора Ростовской области "красного кандидата" — представителя коммунистической партии Л. Иванченко. Правление, — в котором состоит и В. Мионов, директор Донского Кадетского Корпуса в Новочеркасске — утвердило также Козицына как доверенное лицо коммуниста Иванченко.

"Ничего удивительного в этом нет", — прокомментировал решение правления помощник Иванченко, Алексей Морщинер, — "В свое время с подачи Иванченко было принято постановление „О поддержке Советами возрождающегося казачества“, сейчас в Государственной Думе при его активном участии разрабатывается закон о казачестве". Как отметила газета "Вечерний Ростов", принимая это решение Козицын „мнения рядовых казаков учитывал меньше всего“.

Бывший лагерный надзиратель Козицын, выступивший теперь открыто в поддержку красных, недавно произвел в хорунжие председателя Центра Кадетской Связи, зарубежного кадета Алексея Ермакова, также известного своими розовыми симпатиями.

ПОЛКОВНИК АНДРУШКЕВИЧ

Нам пишут из Владивостока:

Газета "Утро России" сообщила, что в Приморье прибыл "бизнесмен из Аргентины Андрей Андрушкевич, внук последнего председателя Владивостокской городской думы и Народного Собрания".

Затем газета написала следующее: "Полковник русской армии Николай Александрович Андрушкевич, избранный городским головой перед самым приходом революционной армии, вынужден был покинуть Владивосток в 1922 году. После долгих скитаний он с семьей осел в Югославии, где в 1948 году его убили. После этого семья Андрушкевича переехала в Буэнос Айрес, где и родился Андрей. Об этом внук последнего городского головы добольшевицкого Владивостока рассказал в эксклюзивном интервью агентству Интерфакс-Евразия".

Согласно владивостокской газете, "Андрей Андрушкевич является президентом аргентинской фирмы "Промысел". Целью его миссии во Владивосток является налаживание сотрудничества с российскими судовладельцами в зоне Аргентины на промысле рыбы и морепродуктов".

В 30-ю годовщину со дня смерти редактора "Нашей Страны", генерального секретаря Российского Народно-Монархического Движения

✠ ВСЕВОЛОДА КОНСТАНТИНОВИЧА ДУБРОВСКОГО

и по случаю исполняющихся четырнадцати с половиной лет со дня смерти редактора-издателя "Нашей Страны"

✠ ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ДУБРОВСКОЙ урожденной КИРЕЕВОЙ

в воскресенье 17 ноября с. г. в буэносайресском Кафедральном соборе Воскресения Христова, после Божественной литургии будет отслужена панихида.

В четверг 28 ноября 1996 года, в 3-ю годовщину со дня смерти

✠ хорунжего НИКОЛАЯ КУЗЬМИЧА ДУБИНЫ

в Кафедральном Соборе Воскресения Христова города Буэнос Айреса в 12 часов дня будет отслужена панихида, о чем сообщает семья.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактирует коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-1) 544-0530. За содержание подписанных материалов отвечают их авторы, чьи мнения не обязательно выражают взгляды редакции. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке ссылка на источник обязательна. Цена 1 номер: Аргентина - 1,00 песо; Германия - 1,80 марок; Франция - 5 франков. США и остальные страны - 1 ам. доллар. Объявления: за 1 см. в 1 кол. - цена 7-ми экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

©"НАША СТРАНА"-"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980